© 2020. Ю. М. Никишов
г. Тверь, Россия

Этапы эволюции Евгения Онегина

В статье предпринята попытка понимания авторского отношения к главному герою романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Впервые дается полная картина эволюции Онегина. Автор доказывает, что упоение светской жизнью — это всего лишь его предыстория, что поиск самоопределения героя Пушкина начинается хандрой (преждевременной старостью души). Общение с Ленским заставляет Онегина размышлять о смысле жизни. Высшая точка его исканий — вольность и покой (на уровне интересов олодекабристского круга). Размышления о гипотетической судьбе Онегина — это не попытки «дописывать» окончание романа, а способ углубленного понимания героя. Поэт сам дал пример гипотетических размышлений. Нарушающие фабульную последовательность «Отрывки из путешествия Онегина», размещенные после примечаний (знака конца), своим тоном создают подсказку в определении гипотетической судьбы Онегина.

Ключевые слова: Евгений Онегин, эволюция героя, духовные ценности, преждевременная старость, вольность, покой, декабристский потенциал героя, тоска.

Информация об авторе: Никишов Юрий Михайлович. <https://orcid.org/0000-0001-5571-712X>, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, г. Тверь, Россия.

E-mail: yunik1932@mail.ru

Дата поступления: 12.09.2020

Дата публикации: 08.12.2020

Для цитирования: Никишов Ю. М. Этапы эволюции Евгения Онегина // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 136–171. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-136-171>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Yuri M. Nikishov
Tver, Russia

Eugene Onegin's stages of evolution

The article attempts to understand the author's attitude to the main character of the novel "Eugene Onegin" by Alexander Pushkin. For the first time, a complete picture of Onegin's evolution is given. The author proves that the rapture of secular life is just his prehistory; that the search for self-determination of Pushkin's hero begins with a blues (premature old age of the soul). Communication with Vladimir Lensky makes Onegin reflect on the meaning of life. The highest point of his searches is freedom and peace (at the level of interests of the circus circle). Thoughts on the Onegin's hypothetical fate are not attempts "to complete" the novel ending, but this is a way to understand the hero more deeply. The poet himself gave an example of such hypothetical thoughts. The "Fragments from Onegin's Journey" that violate the plot sequence, placed after the notes (end sign), with their tone create a hint in determining Onegin's hypothetical fate.

Keywords: Eugene Onegin, evolution of hero, spiritual values, premature old age, liberty, peace, Decembrist potential of hero, longing.

Information about the author: Yuri M. Nikishov, <https://orcid.org/0000-0001-5571-712X>, DSc in Philology, Professor, Independent Researcher, Tver, Russia.

E-mail: yunik1932@mail.ru

Received: September 12, 2020

Published: December 8, 2020

For citation: Nikishov Yu. M. Eugene Onegin's stages of evolution. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 4, pp. 136–171. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-136-171>

Год за годом шагают двухсотлетние юбилеи пушкинских произведений. Нынешним летом 2020 г. мы миновали если не начало творческой истории, то начало предыстории исключительно важного в творческой жизни Пушкина, да и в русской литературе творения. 10 ноября 1836 г. поэт писал Н. Б. Голицыну в Крым: «Там колыбель моего “Онегина”» [Пушкин 10: 690]. Младенец-богатырь, который будет расти не по дням, а по часам, появится через три года, но в сердце дума уже заронилаь.

Обилие работ, написанных о пушкинском герое почти за двести лет, само по себе создает проблему: «“Евгений Онегин” так хорошо изучен, что трудно высказать какое-нибудь суждение или сделать наблюдение, которое кем-то не было уже сделано и высказано» [Бахмутский: 58]. Но у нас доселе нет целостного представления о заглавном герое романа в стихах. Поставим внятный, принципиальный вопрос: Онегин — что это за тип русской жизни? Для ответа на него необходимо учитывать, что Пушкин начинал работу над романом с одним героем, продолжил с другим, закончил с третьим. Многие заключения, предлагавшиеся ранее как итоговые, универсальные, на самом деле такими не являются. Ценных конкретных наблюдений накопилось много, но проблема до сих пор не решена и требует обобщающего взгляда.

Насколько пушкиноведение далеко от решения указанного вопроса, свидетельствует спор исследователей о том, каким героем является Онегин — статичным или динамичным. Однако ответ обычно дается в форме выбора одного из определений из этой антонимической пары, вопрос не рассматривается развернуто. Зачастую промашка ученых (независимо от мировоззренческой позиции) оказывалась в самом начале. Д. Д. Благой в сослагательном наклонении допускал возможность «душевного возрождения» Онегина «и даже — в потенции — выхода из узкого круга частной жизни на политическую арену — сближения с декабристами» [Благой: 161]. Но — цензура помешала. «“Роман в стихах” кончается там же, где он начался, — в Петербурге, в “большом свете”».

<...> Однако, снова появившись в свете, Онегин в основном остался тем же, чем был, когда ушел из него» [Благой: 163]. «Роман движется в глубины души неподвижного героя...» [Непомнящий: 161] — отметил В. С. Непомнящий.

Что подталкивает исследователей к скептическому ответу? Односторонний подбор фактов. В. А. Кошелев главу о главном герое в своей монографии назвал обобщенно: «Русская хандра»; состояние героя подано как универсальное для него. Захандрив в столице, Онегин привез хандру и в деревню. И «“странствие” не спасает» [Кошелев 2009: 46]. На таком основании делается жесткий вывод: Онегин «страдает болезнью без излечения» [Кошелев 2009: 47]. Но непосредственная работа Пушкина над романом, от первых черновых двух глав (1823) до первого выхода в свет полного текста романа (1833), растянулась на десять лет: это была целая эпоха для динамично развивавшегося поэта. Прощаясь с героем, Пушкин назовет его своим «спутником странным»: Онегин менялся на длительном совместном пути с автором.

Динамизм изображения Онегина признают многие исследователи, но, к сожалению, констатацией они и ограничиваются. Отдельные изменения в главном герое уловил В. А. Недзвецкий, но, увы, на первом шаге он и остановился: «Герой *конца* первой главы и семи последующих отличался от Онегина предшествующих строф первой главы самым разительным образом» [Недзвецкий: 12].

Заманчиво было бы использовать следующий критерий: мнение исследователя должно быть непредвзятым, — но он недосыгаем. «Непредвзятых» мнений просто не может быть: взятое «пред» — это образование, компетенция, мировоззренческая позиция, эрудиция, опыт, вкус читателя (исследователя). От этого «взятого пред» никуда не деться: само по себе эстетическое восприятие носит двойственный, субъективно-объективный характер.

Выразительно о несомненном сказал М. Л. Гаспаров: «Филология трудна не тем, что она требует изучать чужие системы ценностей, а тем, что она велит нам откладывать на время в сторону свою собственную систему ценностей. Прочитать все книги, которые читал или мог читать Пушкин, трудно, но возможно; забыть (хотя бы на время) все книги, которых Пушкин не читал, а мы читали, неизмеримо труднее» [Гаспаров: 26–27]. Объективный компонент эстетического восприя-

тия заманчив для тех, кто старается понять произведение и его автора. Награда за старание обеспечена: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» [Пушкин 6: 18]. Простым такое занятие может показаться разве что на первый, поверхностный взгляд. Пушкин озабочен «тайной занимательности», ради стимулирования интереса к чтению считает нужным прибегнуть к недоговоренности.

Вот весьма показательный пример. На последнем свидании с Татьяной в домашней половине княжеского дома Онегин единственный раз видит прежнюю Таню. Зато ее кумир здесь в непривычном виде — и что понимает она? «Его больной, угасший взор, / Молящий вид, немой укор, / *Ей внятно всё*» ([Пушкин 5: 160] курсив здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, мой. — Ю. Н.)».

Перед нами уникальное обобщение, категоричное по форме и неопределенное по содержанию. В нашем языке носители содержания — имена; это существительные (правда — ложь, любовь — ненависть) и прилагательные (притягательный — противный, ранний — поздний). А здесь главное слово обобщения — местоимение, оно ничего не характеризует, не выражает, а только указывает. И получается, что кажущееся предельно ясным «всё» на деле становится безразмерным. Будем считать, что Татьяна видит глубину и подлинность онегинского чувства? Только ведь и Непомнящий категоричен, полагая, что и ему «внятно всё» — что Онегин лицемерит по навыкам «науки страсти нежной».

Какое из контрастных истолкований верно, вполне выявляется в контексте исследования. Тут далеко не надо ходить; вот молчаливая сценка в предшествующей строфе: «Письмо какое-то читает / И тихо слезы льет рекой, / Опершись на руку щекой» [Пушкин 5: 159]. В который раз она это письмо читает? Да она его едва ли не наизусть помнит! А слезы льет, как в первый раз. Это знак переживания утраты: если бы такое письмо получить в деревне!

А что было бы, если бы Татьяна распознала недобрый умысел Онегина? Она бы не стала перечитывать (да и хранить) письмо. А если и взялась перечитывать, то глаза были бы сухими, сердитыми.

С намерением понять главного героя откроем роман. Увидим, что повествование начинается отъездом молодого повесы в деревню — сюжетным эпизодом, который досказан уже ближе к концовке главы. Но очень скромная доза романного сюжета в главе (поехал — и приехал в

деревню) оказывается вполне твердой опорой, на которой удобно размещается и внутренний сюжет (жизнеописание героя от рождения до его отъезда из столицы) и разветвленная сеть авторских размышлений.

Похоронив дядю, Онегин зажил новоселом. Поэт еще деревню не успел описать («прелестный уголок»), зато герой уже на новом месте заскучал. А в романе герой начинает не с хандры — напротив, с упоения светской жизнью. Онегин всего лишь воспользовался привилегиями, которые были даны его сословию. Выйдя «на свободу», он всего лишь копирует окружающий его образ жизни, т. е. «свободно» выбирает именно то, что ему и предлагают. Броское сходство Онегина со светской молодежью того времени порождает одну из серьезнейших ошибок в понимании пушкинского героя. Становится незаметным парадокс: все, что сказано о светском образе жизни Онегина, — это во все и не об Онегине (т. е. и о нем, конечно, но не более, чем о частном примере): фигура Онегина в первой половине главы — это всего лишь способ индивидуализации обобщенного образа — среды, света.

В начальных строфах Онегин интересен сам по себе, но в картинах жизни героя мы видим и общий быт. В первой главе постоянно суммарное обозначение, установка на обобщенность: «увидел свет», «свет решил», «сплетни света», «причудницы большого света», бремя «условий света». И Онегин поначалу как «все»: как все «ученые малые», как все ловеласы, как все гурманы, как все «почетные граждане кулис», как все франты, как все завсегдатаи балов. Индивидуальное отличие Онегина (его «счастливый талант») носит количественный, не качественный характер.

Непомнящий убежден, что упор на то, что общее в Онегине со светом, и есть правильный путь к пониманию пушкинского героя: «Онегин — а точнее, “онегинское”, — это то, от чего автору хотелось бы избавиться» [Непомнящий: 102]. Напротив: «онегинское» — это то, что в герое самобытно, что позволяет ему встать *над* уровнем света, а то, что привнесено в него средой, это и есть общее, «светское», не онегинское, и герой имеет силу духа — не от всего, но от многого — избавиться; именно этим он и интересен поэту. «Сопоставляя начала и концы сложной эволюции героя, мы видим, как из типичного светского аристократа, денди, живущего чисто внешней жизнью по заранее распisanным ритуалам, рождается человек с напряженной духовной жизнью» [Удодов: 136].

Читателям Пушкин рекомендует героя как своего приятеля, но сближение их произошло не тогда, когда Онегин развлекался в свете, а когда «свергнул» его бремя: «С ним подружился я в *то время*» [Пушкин 5: 23]. В новом приятеле поэта привлекает «неподражательная странность».

А нужен эталон светского поведения? В романе есть и такой, только он дан напоследок, в восьмой главе:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек [Пушкин 5: 145–146].

Выяснится, что этому стереотипу вполне соответствует только начало онегинской жизни: в свои восемнадцать (даже не в двадцать) он был (опять же не на выбор «иль», а вместе) и франт, и хват (тут именно количественное отличие, «счастливый талант» Онегина). Начальный этап самостоятельного жизненного пути (в котором очень часто видят основу понимания героя) уместно воспринимать всего лишь как его предысторию.

Нет ничего удивительного в начальном образе жизни Онегина, изумительнее его прозрение. «Блестящий юноша, он был увлечен светом, подобно многим, но скоро наскучил им и оставил его, как это делают слишком немногие» [Белинский: 457].

Какова причина разочарования Онегина в успешно начатой светской жизни? Хотелось бы получить ответ из уст поэта, приятеля героя. Кажется, он готов пойти навстречу естественному любопытству читателя.

Недуг, которого *причину*
Давно бы отыскать пора...

Поэт как будто предугадал наш вопрос и готов дать прямой ответ; слово «причина» вынесено в рифму и звучит звонко, запоминается. Но что это? Речь поэта становится затрудненной, почти косноязычной:

Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу... [Пушкин 5: 22] (курсив поэта).

На ходу упрощая громоздкую фразу, поэт меняет тему разговора! Обещано отыскать причину — автор демонстративно сворачивает в сторону, ограничивается констатацией явления.

Без преувеличения, перед нами уникальный фрагмент пушкинской поэзии. Пушкин, конечно, демонстрирует не косноязычие, а виртуозность своей поэтической мысли. Он лишь четко обозначает проблему. Зачем поэту лишать героя загадки? Правда, отпал бы повод многих споров об Онегине. Только вместе с поводом исчез бы и интерес к герою...

И все-таки Пушкин не оставляет читателя без подсказки: в предисловии к отдельному изданию первой главы поэт сам указал на сходство Онегина с героем поэмы «Кавказский пленник». Исследователи подсказкой поэта воспользовались, преемственные связи «Евгения Онегина» с первой южной поэмой констатировались многократно (см.: [Коровин: 221]; [Лакшин: 106] и др.).

Относительно Пленника поэт высказался прямо и четко, пусть не в поэме, а в письме В. П. Горчакову: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» [Пушкин 10: 42]. Но явление и тут оставлено противоестественным, а потому оно загадочно. Очень важно, что ранняя хандра воспринимается не индивидуальной причудой: Пушкин видит здесь явление, характерное «для молодежи 19-го века», может быть, даже преувеличивая распространенность обозначенной странности. Таково авторское истолкование *причины* хандры Онегина.

Каков возраст героя? Дан ответ внятный: «Всё украшало кабинет / Философа в осьмнадцать лет» [Пушкин 5: 16]. Правда, помечен *ти-*

новой возраст совершеннолетия, когда юноша выходил «на свободу» (и обустроивал свой кабинет). Удельный вес указания повысится, если мы найдем ответ на уточняющий вопрос: сколько времени продолжалась светская жизнь Онегина от ее начала до момента, когда героем овладела хандра? Ситуация первой главы неожиданная: разочарование настигает Онегина очень быстро: «рано чувства в нем остыли», «Красавицы не долго были / Предмет его привычных дум...» [Пушкин 5: 21]; поэта и его приятеля-героя «ожидала злоба / Слепой Фортуны и людей / На самом утре наших дней» [Пушкин 5: 24]. Последняя метафора особенно красноречива. Оценим ее экспрессию: тут не просто «на утре», а с усилением — «на самом утре». Получается, что хандра привязалась к герою в те же восемнадцать, когда он оказался «на свободе».

Подчеркнутая в первой главе молодость Онегина — важнейшая предпосылка для сравнения его с Кавказским пленником. Именно на этом фоне отчетливо проступает главная черта, типологически сближающая его с Пленником — ранняя разочарованность Онегина. Она тем внезапнее, что ничто не предвещает крутых поворотов в судьбе героя.

Но похождений героя оказывается много: они предполагают трату времени. И хандра овладевает героем не вдруг, не внезапно, а «понемногу». И поэт идет на прямое уточнение! Он пишет: «Измены утомить успели; / Друзья и дружба надоели...» [Пушкин 5: 21]. А ведь это принципиально иная мотивировка хандры героя — указание на пресыщенность.

Эти мельком брошенные замечания нельзя не признать курьезными, поскольку они отнесены к молодому герою. Его пресыщенность наступает внезапно, в те же осмнадцать лет, когда Онегин оказался «на свободе», для пресыщенности никакого времени нет. На поверку *альтернативное* авторское суждение оказывается перспективным и становится основой реалистической мотивировки эволюции героя, что и будет развито, но много позже — в четвертой главе.

Таинственную преждевременную старость души мы все-таки можем хотя бы слегка понять благодаря аналогии: здесь поэт поделился с героем своими переживаниями периода первого духовного кризиса, который пришелся на полгода перед окончанием Лицея, с осени 1816 по весну 1817 г. В основе — обыкновенное взросление, Пушкин

на пороге восемнадцатилетия, подросток становится юношей. Но этот природой заданный переход, которому более свойственны спокойные эволюционные формы, в импульсивном Пушкине принял взрывоопасный характер. Происходит нечто неожиданное и страшное. В сознании молодого человека исчезает средняя (зрелая и самая продуктивная!) часть жизни, начальная с конечной соединяется напрямую!

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!
Стансы (Из Вольтера) [Пушкин 1: 220]

Еще в послании «Князю А. М. Горчакову» (1817): «Твоя заря — заря весны прекрасной; / Моя ж, мой друг, — осенняя заря» [Пушкин 1: 225].

Интимные стихи Пушкина позволяют лучше понять Онегина. Его (через сходство с Пленником) Пушкин назвал человеком с преждевременной старостью души, а тут дано хотя бы слегка намеченное *изображение* героя: такое состояние придумал себе сам поэт! Но ведь вырез двух десятилетий — это не физический процесс, а чисто умозрительная операция.

Приближение выпуска, предстоящее расставание с лицейскими товарищами вывело Пушкина из состояния психологического шока. Но пережитое (пусть чисто умозрительно) поэт будет помнить; это все всерьез, не литературная игра. Преждевременная старость души как явление не перестает волновать Пушкина, и он наделяет ею вымышленных героев, Пленника, потом и Онегина.

И приходится констатировать: поэт столкнулся с неразрешимой задачей! Как рисовать молодого героя, который соединил свой рассвет с вечерней зарею? Психологически это антипод человеку обычного развития, а можно ли увидеть внешние различия? Пушкин на этапе весеннего рассвета жизни испытал горечь осеннего заката. Внешнего отпечатка эта саднящая боль души не оставила; да и как получать физические знаки, если душа невидима?

Лирику хорошо: ему и обнажение тайны сердца доступно. Эпик о жизни может знать не меньше, но ему надо внутреннее передать через внешнее, через действие. Пушкин это и делает! У него герой, успешно

начавший светскую жизнь, стал отступником света. Потому что им овладела преждевременная старость души: вот задумка поэта. Читателя такое объяснение озадачивает и не привлекает. Хандра — так, упрощая, обозначает состояние героя поэт, это настроение наблюдаемое, оно подобно «английскому *сплину*». Получить хоть какое-нибудь объяснение позволяет аналогия с переживаниями автора.

Вторая и третья главы раздвигают границы повествования, вводят новых героев. В третьей главе происходит завязка любовной линии сюжета, Татьяна пишет письмо-признание, на второй день происходит свидание. Но сведя героя и героиню в сад Лариных, поэт закруглил третью главу, испросив у читателей разрешения «погулять и отдохнуть». Только какое «отдохнуть»? Вернувшись к описанию свидания в четвертой главе, начатой тотчас, без какой-либо паузы, Пушкин очень многое поменял и в психологическом портрете героя, и в сюжете.

Исследователи привыкли воспринимать четвертую главу романа в стихах в такой последовательности, в какой она напечатана. Здесь она начинается солидным рядом цифр, означающих пропущенные строфы. Строфы эти известны, а четыре из них были даже поэтом напечатаны в журнале именно как отрывок из «Евгения Онегина». Это — авторский монолог, обличающий легковесные нравы светского общества; VII строфа, начинающая главу, — его завершение. Удостоверив солидарность героя с этими размышлениями, поэт вторично (в сжатой форме) излагает предысторию Онегина, отмечает волнение, охватившее героя при получении письма Татьяны, и приглашает читателя в сад, где произошла встреча героев.

VI том Большого академического издания, где собраны все сохранившиеся варианты и где есть раздел «Варианты черновых рукописей», искажает композиционную структуру начального текста. В томе напечатаны «варианты», которых *не было* в тетрадах Пушкина: это сконструированные на основе черновика первичные (созданные не автором, а издателями) беловые рукописи, ориентированные на окончательный текст (варианты представлены подстрочными сносками). И композиция черновых строф повторяет композицию печатного текста. Этот произвол редакторов особенно ощущается в подаче четвертой главы. Знание ее творческой истории очень многое добавляет к пониманию романа в целом.

Закончив черновик третьей главы, поэт на том же листе (ПД 835, л. 20 об.) набрасывает полторы строки для главы четвертой: «[Я знаю:] {вы ко мне} писали / [Не отпирайтесь –]».

Приступив непосредственно к четвертой главе, Пушкин начинает ее, как задумал, с сюжетного эпизода, со сцены свидания. Монолог Онегина в печатном тексте открывается только XII строфой. Именно эта (ставшая потом двенадцатой!) строфа *начинает* черновик главы. Эпизод содержит исповедь героя, он был труден для поэта. В окончательном тексте монолог Онегина состоит из пяти строф. В черновике таких (необработанных) строф много больше, текстуальные различия весьма велики. Описательный текст, который (в обработанном виде) в печатном тексте открывает четвертую главу, первоначально был фрагментами исповеди Онегина: он подавался как мотивировка полного разочарования героя в любви. Онегин после язвительных выпадов против женщин как будто спохватывается, что говорит это не по адресу; он даже делает оговорку — возможны исключения (Татьяну называет живым тому примером). Оговорка не спасает: влюбленной девушке ни к чему выслушивать пространный рассказ о былых «подвигах» ее кумира.

В исповеди героя дается прямое объяснение охлажденности (потери чувствительности), сближающей Онегина с Кавказским пленником. Онегин откровеннее Пленника, не стесняется резких слов. Психологически это тоже не убедительно: неприлично форсировать, представляя себя «жертвой разврата» перед скромной девушкой.

С. А. Фомичев заметил: «Прояснить творческую историю четвертой главы отчасти помогает смазанная помета на левом поле л. 52: «Sottise et Impertinence» (Глупость и Нахальство). Это, по всей вероятности, авторская оценка получившейся у него вначале исповеди героя» [Фомичев: 78]. Неудачное начало не зачеркивается, не отправляется в камин (Пушкин сохранил многие черновики), но исповедь Онегина создается заново.

Вслед за сценой в саду поэт сразу же ставит вопрос, что было следствием свиданья. Уныние Татьяны замечено матерью и соседями, тут же между ними возникает идея о ярмарке невест; эпизод слишком форсирован, он будет сохранен, но перенесен в главу седьмую (в печатном тексте четвертой главы о желаемом замужестве Татьяны соседи толкуют «меж собою»). План поездки зимний, что дает толчок к написанию

предшествующих осенних картин; в окончательном тексте эти строфы сдвинуты, перестают быть автономными зарисовками, срастаются с бытом Онегина. После пейзажных картин поэт, чтоб душу успокоить, заглядывает, как проводит дни счастливая парочка.

И вдруг, совершенно неожиданно, в рукописи появляется значительный по объему автобиографический фрагмент о жизни поэта в Одессе. До сих пор ассоциативная связь авторских «отступлений» с сюжетным повествованием была весьма ощутимой. Здесь прямой связи с сюжетом нет. Связь есть, но иная.

Непосредственно после «одесских» строф Пушкин не возвращается к сюжетному повествованию (оно уже доведено до картины «трудов» Ленского над страницами альбома подруги и дополнено строфами исповеди Онегина с угадываемыми контурами печатного текста), а записывает композиционный план *начала* главы. В черновике строфы не нумеруются, но тут поэт нумерует одиннадцать строф, к некоторым делая лишь отсылки («Чем меньше...», «В начале жизни...»), обрывая записи значком *etc* <и т. д.>. (Видимо, эти строфы первоначально были набросаны где-то не в тетради). Некоторые записи подробнее. Они переходят в заново создаваемые строфы исповеди Онегина. Поэтический текст будет еще дорабатываться, превращаясь в беловик, но композиционное решение (и лишь теперь!) определилось вполне.

Начальный черновик четвертой главы получает серьезные изменения, и не только композиционного плана. Открывавший главу мотив очарования женщинами и разочарования в них из монолога героя четко переадресован автору (хотя по содержанию воззрения типологичны; будет помечено, что их разделял и герой). Наиболее резкие откровения героя («жертва разврата») поэт перенес в свою предваряющую характеристику приятеля, смягчая их: «Он в первой юности своей / Был жертвой бурных заблуждений / И необузданных страстей» [Пушкин 5: 69]. В исповеди совершенно устранен мотив ранней охлажденности.

Как и когда принято решение изменить возраст героя? При обновлении композиционного плана главы. Здесь (под цифрой 6) дается такой текст:

Так точно думал, мой Евгений
Он в [первой] бурной юности своей
Был жертва долгих забл^уждений>
И необ^узданных> -----

Так погубил он [10] 8 лет —
Утрата ---- (ПД 835, л. 70 об.)

Это решение закрепляется в печатном тексте: «Вот как убил он восемь лет, / Утрата жизни лучший цвет» [Пушкин 5: 69]. (Указание будет учтено, когда придет пора позднейшей пометы: «Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов...» [Пушкин 5: 146]; таким Онегин предстает к началу путешествия). «Восемь лет» — это совсем не то, что «не долго» в первой главе. В четвертой главе фактически дана новая мотивировка хандры Онегина. Две мотивировки первой главы («рано чувства в нем остыли» — «друзья и дружба *надоели*») несовместимы, даны на выбор. В атмосфере первой главы акцент приходился на преждевременную старость души. Теперь получается, что хандра настигла Онегина лет в двадцать пять; это ближе не к «утру» («*самому* утру»!), а к «полудню» жизни. Из мотивировок первой главы приходится выбирать. Теперь акцент переносится на более естественный, долгий путь развития героя, финалом которого становится пресыщенность.

Когда Пушкин отсылает первую главу для публикации, он не поправляет *устаревшие* детали ее, хотя уже знает, но еще «не ясно», что роман получает новое направление, другую перспективу развития героя. Но от читателей-педантов уже в первой главе был воздвигнут заслон: «Пересмотрел всё это строго: / Противоречий очень много, / Но их исправить не хочу» [Пушкин 5: 30]. В очередной раз поэту оказала добрую услугу альтернативность его художественного мышления: стремление дать явлению не единственное объяснение, а непременно несколько, на выбор. С высоты четвертой главы в предыстории Онегина на первый план выдвигается пресыщенность героя. И выясняется, что брошенное когда-то на этот счет как будто мельком замечание вдруг усиливает свое значение. Оно подкрепляется и бытовыми зарисовками; похождения героя не мимолетны; корректировки в обрисовке характера как будто даже потребовало и бытовое правдоподобие. Указание на раннюю разочарованность героя осталось в тексте,

но оказалось затертым; кто обращал на это внимание? Сколько лет изучается творческая история романа, а такое принципиальное решение поэта остается незамеченным.

Сохранилась исходная ситуация: герой, по виду счастливо начавший желанную для него и обычную для людей его круга жизнь, разочарован в ней. Изменилась мотивировка: она стала понятной, психологически более естественной, даже более правдоподобной. Новая мотивировка не отменяет не только содержания конфликта героя со светом, но и его остроты.

Пушкин создает образ героя так, как природа создает человека — с запасом сил, с большими потенциальными возможностями, которые — все — реализоваться не могут, непредсказуемо, какие именно реализуются. Конечный результат зависит от выбора промежуточных решений. Данные на выбор, детали получают возможность переакцентировки своего значения; так открывается возможность существенной корректировки первоначального замысла.

Нельзя сказать, что все поправки пошли на пользу художественному изображению. Да, «долгий» путь светских развлечений дает простор разнообразным занятиям Онегина, слишком стесненным в первой главе. Но его резкий разрыв с прежним образом жизни выглядел более эффектно. Объяснив перемену образа жизни пресыщением героя, поэт растянул и процесс его расставания с прежними обычаями. Если в первой главе лицемерие героя, может быть, гасится, компенсируется страстью, азартом, темпераментом, то в четвертой главе ретроспективная строфа о былых увлечениях принимает едва ли не сатирический тон, когда отношение Онегина к своим интимным похождениям сравнивается с равнодушием игрока в вист. Но четко прописано: погоня за низкопробными увлечениями оборачивается душевной пустотой. Вместо удовлетворения таким образом жизни появляется недовольство собой.

От преждевременной старости души не осталось и намека. Теперь Онегин рисуется изрядно утолившим даже детские и юношеские желания и вовремя созревшим. Но хандру как осадок пресыщенности он с собой в деревню привез. Перед восторженным юнцом Ленским он предстает инвалидом любви.

Рукопись первой главы отправлена в печать в конце октября 1824 г. В феврале 1825 г. глава увидела свет. Поэт никак не мог предвидеть,

какое событие, потрясшее Россию, произойдет к концу года; а оно в новом свете представило и события Отечественной войны. Вот в какое грозное время понадобилось вписывать «мирного» Онегина. Пушкин справился с этой невероятно трудной задачей. Но он преодолевал трудности по мере их обнаружения. Пока сюжетное время с временем историческим конфликт не обозначило.

Здесь нет возможности рассмотреть сцену свидания полностью. Выделим только нелегкую для Онегина необходимость объяснить свою холодность на свидании с Татьяной. Первоначально (в черновике) герой был откровенен до цинизма. Но уже на стадии черновика монолог создается заново. Теперь Онегин сдержан, сух, только излагает факты, констатация преобладает над объяснением: я не тот, кого вы искали; я ни на миг не пленяюсь семейственной картиной; я не создан для блаженства; он больше отрицает, чем утверждает. А кто же он такой? Над этим вопросом еще предстоит мучиться Татьяне.

Почему он не создан для блаженства? Вроде как такое стремление происходит само собой, возникает самым естественным образом; у всех по-своему, но у всех! Онегин остается загадкой для Татьяны — он и сам в деревне пока не знает, как именуется то состояние, которое он реально переживает. Не знает потому, что и для поэта еще не настал момент, когда будет найдено нужное слово. Получается, что герой обрел какие-то духовные ценности, они не называются, но изображаются; и они таковы, что заслоняют возможность счастливой любви.

Вернувшись к описанию быта героя в четвертой главе, поэт обобщает:

*Вот жизнь Онегина святая;
И нечувствительно он ей
Предался, красных летних дней
В беспечной неге не считая,
Забыв и город, и друзей,
И скуку праздничных затей [Пушкин 5: 80].*

Когда описание завершается обобщением, как тут не споткнуться о неожиданные заявления: жизнь Онегина — «святая» (не в религиозном значении, имеется в виду достойный земной смысл), он предается ей «нечувствительно», «в беспечной неге» (т. е. хандра не томит). Очень

интересно замечание насчет скуки праздничных затей. Будни — постоянные, праздники — изредка. На фоне однообразных будней праздники и воспринимаются как нечто яркое. Тут это яркое зачеркнуто как несущественное. О тусклых буднях и речи нет. Но это означает, что найдено что-то такое, что превосходит редкие примитивные радости и, отменяя праздники, наполняет будни чем-то высоким, придающим жизни смысл.

Достоинство удивления, что важное пушкинское обновление героя в четвертой главе очень редко привлекало внимание исследователей, да и у них удостаивалось лишь беглых замечаний [Макогоненко: 160–161]; [Глухов: 187].

Эмоциональный знак состояния Онегина кардинально изменен. Само слово-спутник «скука» демонстративно изгоняется. А как же быть с целым потоком сообщений? Пометы о скуке героя щедро рассыпаны на пространстве первой, второй и третьей глав романа, которые энергично писались в 1823–1824 гг., в зените духовного кризиса поэта. Столичной скуке нашелся деревенский двойник! Новизны деревенских впечатлений Онегину хватило только на два дня, «Потом увидел ясно он, / Что и в деревне скука та же...» [Пушкин 5: 80]. Назойливые упоминания о скуке отшельника отменить нельзя, но их, в свете обновления души героя в четвертой главе, достаточно плотнее сдвинуть туда, где им и место, — в самое начало поселения Онегина в наследуемой усадьбе.

Активность внутренней жизни — вот средство преодоления кризиса в душе героя. Деревня становится новым этапом в существовании Онегина не с первых дней, а чуть позже, после появления нового соседа, Ленского, который в свою деревню из туманной Германии «в ту же пору» прискакал. Беседы с новым приятелем и дают мощный толчок внутренней жизни Онегина. Вновь плодотворно срабатывает привычный перу поэта принцип альтернативного мышления. С высоты четвертой главы вдруг засияла путеводными лучами первоначально промелькнувшая без особого следа строфа XVI второй главы. «Меж ими всё рождало споры / И к размышлению влекло...» — отмечает поэт. [Пушкин 5: 37]. В широком перечне представлен круг так называемых «вечных» вопросов, на которые просто обязан искать ответы каждый думающий человек. Не имеет значения содержание ответов: само размышление на подобные темы, когда возникает к ним подлинный инте-

рес, — нескучное дело. Указание на сосредоточенную духовную жизнь героя — факт чрезвычайной важности.

Онегину перед Татьяной пришлось дважды раскрывать смысл своей деревенской жизни, объясняя, *что* он поставил выше предлагаемой ему любви. Ко второй встрече он лишился ценностей, которыми обладал, и в письме к Татьяне свою деревенскую позицию осознает ошибочной.

Я думал: *вольность и покой*
Замена счастьем. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан! [Пушкин 5: 37]

Вот как в итоге именуются ценности, которые сделались духовной опорой Онегина в деревне.

Между тем сама формула на правах романтической эмблемы широко бытовала в русской поэзии. В усеченном виде («покой») она была активна уже в творчестве поэтов XVIII в., означала состояние, когда человек в ладу сам с собой, когда совесть санкционирует намерения и поступки. «Покой» — утверждаемая ценность в лицейской лирике Пушкина. В полном виде формула впервые возникает у поэта в знаменитой оде «Вольность», в итоговом обращении к владыкам; здесь она имеет акцентированно высокое общественное содержание:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой [Пушкин 1: 287].

Рылеев («Пустыня») пишет об уединенной жизни юного поэта:

С ним вместе обитают
Свобода и покой [Рылеев: 80].

Та же формула встречается у Языкова. Например, в девятой из цикла «Песни»:

Бродя по городу гурьбой
Поем и вольность и покой [Языков: 98]

Тот же мотив варьируется Языковым в послании Н. Д. Киселеву:

Младый воспитанник науки и забавы
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность, и покой, которыми живет [Языков: 101].

А в послании «Е. А. Баратынскому» Языков даже обобщает: «Свобода и покой, хранители поэта...» [Языков: 349].

Формула переходит и к преемнику Пушкина Лермонтову; но здесь она обозначает не обретенное состояние, а только цель, мечту о нем:

Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! [Лермонтов: 222].

Да и Пушкин на последнем отрезке своей жизни, когда у него уже не было ни покоя, ни воли, написал: «На свете счастья нет, но есть покой и воля» [Пушкин 3: 258].

Онегинское жизненное кредо не лишено эгоистического содержания, однако им не ограничивается. Тут не настроение, тут обретение. Предполагается главное: духовный поиск, критическая переоценка ценностей, напряженная работа ума. Широкий контекст онегинской формулы придает вес духовным поискам героя, уточняет их общественное русло.

Но как поэт лишь в конце найденной формулой объясняет ранее представленный путь Онегина, так и мы можем понять реальный показ героя в категориях, которые проявились позже. Онегин в четвертой главе — это человек околodeкабристского круга.

Духовная близость Онегина к декабристам (фактически действовавшим в то время, но нелегально) — это и не гипотеза вовсе, а реальность. Онегин фактически принадлежит к околodeкабристской молодежи. Общественное движение, завершившееся 14 декабря, было широким. «Легальных вольнодумцев» было много, и среди них — сам Пушкин, его друг Вяземский («декабрист без декабря»), Грибоедов. Онегин — фигура не столь крупная, это массовый тип, и, тем не менее,

это личность незаурядная. Куда он качнется, что с ним станется — все это вопросы большой важности: это показатель общественного тонуса. «...Главный герой — словно бы наперекор усилиям автора — предстает в романе как личность незаурядная и крупномасштабная, как человек декабристского круга, а сам роман — как произведение острозлободневное, политически окрашенное» [Гуревич: 28].

В советские годы исследователям очень хотелось видеть в романе реализованный план-максимум. Высказывалось убеждение, что только цензура воспрепятствовала поэту в реализации такого плана. Но увлеченность максимумом помешала по достоинству оценить действительно реализованный план-минимум. Соображения, что декабристская судьба героя обдумывалась поэтом, но в роман не была включена, недостаточно, чтобы снять проблему «герой и декабристы». Пушкин свой автопортрет дополнил существенной деталью духовной близости с ними, он не мог совсем отодвинуть в сторону героя-приятеля.

Само прямое заявление: «Без них Онегин дорисован» — пример поразительной емкости пушкинского текста. Прежде всего, строка означает буквальное: «без них» — без присутствия в повествовании Рылеева и «ста двадцати друзей, братьев, товарищей». Но (не взамен буквальному смыслу, а в добавление к нему) строка характеризует и особенность внезапной концовки романа в «минуту, злую» для героя: «без них» — без продолжения романа с захватом 14 декабря 1825 г., без десятой главы и даже без последующих (если учесть оставленный замысел построения романа в составе двенадцати глав); Пушкин здесь прощается и со своими нереализованными замыслами.

Но ведь применительно к герою сказано и то, что становится реальным и главным: «без них» Онегин дорисован. Это так. Но не потому, что Онегин где-то прогулял событие или идеологически «не созрел» до декабристов. Потому, что ход сюжетного времени романа остановлен ранней весной 1825 г. Событие истории (по сюжетному календарю романа) еще не произошло! Вот после 14 декабря ответ получился бы однозначный, по факту. У Онегина еще полгода, чтобы осмотреться и определиться. Обрывом повествования в канун важного исторического события Пушкин реализует свой принцип недосказанности как тайны занимательности.

Цель размышлений о степени близости Онегина к декабристам не в том, чтобы вычислить процент вероятности участия Онегина в дека-

бристском восстании (практически этот вариант маловероятен, что и расхолаживает многих думать на эту тему), но в том, чтобы лучше понять героя, оценить даже и *потенциальные* возможности его души: так мы точнее поймем масштаб личности Онегина. Не завышая его, мы все равно должны будем признать его значительным. Совсем не требуется подгонка под утвердительный ответ. Отрицательный (или условный) ответ — тоже результат и повод для постановки новых вопросов: почему человек с незаурядными способностями обречен на положение «умной ненужности». Такой ответ не означает попытку дописывания романа за Пушкина, но представление о гипотетической судьбе героя позволяет явственнее увидеть изображенное в тексте.

Чтобы стать декабристом, нужно было как минимум иметь определенные политические убеждения, деятельную силу характера, осознанность цели. Имелось ли все это в Онегине?

Налицо его близость к либеральным политическим идеям своего времени. Было бы слишком опрометчиво смотреть на Онегина как на определившегося декабриста по убеждениям, но вместе с тем в герое нет ничего, что в идейном отношении непримиримо разделяло бы его и декабристов; потенциально он мог сблизиться с ними. И не в одних убеждениях дело. В своих владениях «ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил» [Пушкин 5: 32]. За это среди соседей прослыл «опаснейшим чудаком». Такую репутацию нужно оценить по достоинству.

Откровенный скептицизм героя не служит препятствием, чтобы считать Онегина оппозиционером. Оппозиционность и Ленского, и Онегина в предисловии к нелегальному сборнику «Русская потаенная литература» отметил Огарев: «...Чувствуется, что эти люди прежде всего — не друзья правительства и представляют — один вдохновенно, другой скептически — протест против существующего правительственного порядка вещей» [Огарев: 446–447].

Сложнее ответить на вторую часть вопроса. Очень уж он русский барин, Онегин. «...Труд упорный / Ему был тошен...» [Пушкин 5: 23]. Он может зевать целый день, испытывая от этого некоторые неудобства, но не испытывая страданий. Есть у него и такая психологическая особенность: «необузданные страсти» сжигают его изнутри, внешне Онегин малоактивен. От апатичного и вялого Онегина трудно ждать решительных действий.

И все-таки дальнейшая судьба героя представляется не безусловной, а именно обусловленной. Путь обновления характера тем более не заказан Онегину, поскольку мы порою и на страницах романа видим героя весьма жизнедеятельным. Даже в светской жизни он был стремителен: «К *Talon* помчался» [Пушкин 5: 13], (курсив поэта. — Ю. Н.), «Онегин полетел к театру» [Пушкин 5: 14], сравнительно медленно «домой одеться едет он» [Пушкин 5: 16], зато на бал снова скачет «стремглав в ямской карете» [Пушкин 5: 17]. «Швейцара мимо он стрелой / Взлетел по мраморным ступеням...» [Пушкин 5: 18]. Наконец, вяло, полусонный, «в постелю с бала едет он» [Пушкин 5: 21]. И как оживает, наполняется энергией поведение Онегина, когда он обретает цель! С каким упорством, темпераментом, страстью он преследует Татьяну! Вот строки из строфы белой рукописи, опущенной в печатном тексте: «За ней он гонится, как тень. / Куда его девалась лень!» [Пушкин 5: 464]. Поведение Онегина определяется тем, присутствует ли перед ним цель.

Видимо, условие — обретет ли Онегин цель высокую, гражданскую или она окажется недостижимой для него — и станет решающим на гипотетическом этапе духовной эволюции героя. Но этот важнейший вопрос навсегда останется открытым. Утвердительный ответ не исключается, но не гарантируется. Что из того? Сама возможность поставить данный вопрос — задача увлекательная.

Вольность и покой — это не настроение, а откровение, образ жизни, как и ранее хандра — не физиологическое состояние. Вольность и покой — высшая точка духовной эволюции Онегина.

Хронологически деревенский период жизни героя весьма краток, менее года. Сюжетно же это вся сердцевина повествования, со второй по шестую главу, и даже седьмая глава, без Онегина, продолжает (через описание его опустевшего кабинета) рисовать деревенского Евгения. И заявку на «деревенскую» тему содержит уже экспозиционная первая глава. Но понять героя романа не просто привычно скучающим и хандрящим, а живущим полнокровной и внутренне насыщенной духовной жизнью означает качественно иное представление о пушкинском герое и общем рисунке его эволюции.

Пушкин дописывал последние строфы четвертой главы, когда пришла весть о трагедии на Сенатской площади. Разгром декабристов стал исторической вехой, сама жизнь поделилась на до и после 14 декабря.

Ход жизни подсказал ориентацию концовки романа. Поначалу создавалось психологическое произведение о странном герое с преждевременной старостью души. Соответственно выделенный Пушкиным как рубежный для героя 1819 г. воспринимался просто как реальная и ничем особо не примечательная («теплая» личными воспоминаниями поэта) века. *Теперь* выяснилось, что «Евгений Онегин» попал в хронологические рамки исторически важной эпохи с широким общественным движением как следствием патриотического единения нации в Отечественной войне 1812 г.; тайные общества декабристов предстали лишь его вершиной; легальный околodeкабристский слой был широким и мощным.

Отклик стал неизбежным! Декабристская тема романа — реальность, и нет оснований ее игнорировать. Онегин дорисован «без них», но — *с думами поэта о них*. Если есть проблема, ее надо изучать. Если мы хотим понять Пушкина, без темы декабристов не обойтись. «Мысли о декабристах, то есть об их судьбе и об их конце, неотступно преследовали Пушкина. <...> Пушкину не надо было их вспоминать: он просто их не забывал, ни живых, ни мертвых», — писала социологизмом не грешившая Анна Ахматова [Ахматова: 156, 157]. «После казней и ссылок в 1826 г. Пушкин остро пережил новую вспышку чувства солидарности с декабристами» [Лотман 1960: 155], — пишет Ю. М. Лотман.

Предполагаемая, привычная для Пушкина альтернативность (вариативность), так характерная для манеры поэта, для финала романа внезапно сузилась, предстала безальтернативной, именно декабристской: тут сама история не оставила места для выбора, и встречно сработала ориентация романа на «открытое» время.

Такое решение оказывалось слишком терпким в реальной общественной ситуации, а поэт не смог от него отказаться: оценим мужество художника. Но Пушкину приходится разграничить общий содержательный пафос романа, его *стратегическую* установку — и конкретные пути, формы реализации замысла, *тактический* выбор. Первое выбрано твердо, неуклонно. Второе вынуждено считаться с обстоятельствами, характер которых поэту еще предстояло уяснить. В итоге (при сохранении единства содержательной установки!) можно говорить, как минимум, о четырех вариантах окончания романа.

План-максимум, известный по воспоминаниям М. В. Юзефовича, включал изображение Онегина среди декабристов; план оставлен на

стадии замысла в силу совершенной цензурной непроходимости, а в творческом плане — из-за избыточной категоричности решения.

Вторым вариантом финала стала реальная рукопись, завершенная в Болдине, — с прибавлением к опубликованным двух последних глав, восьмой и девятой: этот вариант нам известен не полностью, поскольку завершенным текстом первоначальной восьмой главы мы не располагаем.

Третий вариант — это финал с исключением восьмой главы и с добавлением главы десятой (вариант «не для печати»).

Можно уверенно предполагать, что второй и третий вариант по материалу не слишком отличаются, в существенной степени (если не полностью) совпадают: меняется композиционный способ включения в роман этого материала. Вариант с исключением восьмой главы и обозначением ее лишь цифрою проходит в раздумьях поэта; он не слишком удобен. Еще более неудобен вариант с десятой главой, поскольку она не получала сюжетного стержня.

Вполне вероятно, что Пушкин пришел к единственно возможному построению финала — тому, который мы и видим в итоговой, опубликованной поэтом конструкции — в составе восьми глав, но с публикацией фрагментов опущенной главы. Опубликован вариант «для печати». Но можно себе представить, что если бы жизнь Пушкина продлилась, если бы ему довелось дожидаться чаемого им события — амнистии декабристам (что означало бы исключительно важное в конкретном случае снятие запрета с декабристской темы), то была бы возможна публикация «Отрывков из путешествия Онегина» в расширенном виде, с добавлением того, что пока было «не для печати». Композиционная структура романа проявилась, поэт приступил к его завершающей отделке и публикации: место возможным добавлениям определилось, но роман — в принципиальном звучании — обошелся и без них.

Между прочим, и Пушкин (не только его исследователи) попал в затруднительное положение, когда сделал временную подвижку в произведении с «открытым» (т. е. связанным с реальным, историческим) временем. По первому замыслу поэта жизнь Онегина ни в чем не проецировалась на события Отечественной войны. Герой был задуман не как общественный человек, но только как психологический тип, и герою с преждевременной старостью души было как-то безразлично, какое время на дворе.

В четвертой главе биография персонажа (за счет отбрасывания начала светской жизни героя в прошлое) удлиняется. Теперь, если исходить из бытового правдоподобия, героический 1812 г. входит в зону сознательной его жизни. В. А. Кошелев отмечает лауну в прорисовке биографии Онегина: «О каком-либо участии Онегина в Отечественной войне в тексте первой главы прямо не сказано, — *как не сказано и о его неучастии*. Просто эта сторона его биографии в 1823 году была автору не интересна и ничего не добавляла в его характере». Констатация верная, чего нельзя сказать про ее объяснение: «Да и само отношение к прошедшей войне и к “защитникам Отечества” в начале 1820-х гг. еще не обросло достаточной “мифологией”» [Кошелев 2004: 217. Курсив автора — Ю. Н.]. Пушкин мифологизации события не ждет, он сам к этой акции причастен.

Пробел в биографии героя, связанный с его реакцией на военные действия, заполнить невозможно: никаких пушкинских знаков для этого нет. Близость начала светской жизни Евгения к событиям Отечественной войны оказалась в момент правки случайной и не имевшей маркирующего характера (в *этом* эпизоде — и в это время — нет сверки с календарем). К тому же Онегин — не устроитель, а всего лишь участник светской жизни, а само изображение ее в романе соответствует устойчивому, обыкновенному, «мирному» характеру, ничуть не корректируется особенностями исторического (в данном случае — военного или предвоенного) времени.

С не меньшей уверенностью можно утверждать, что такая задача встала перед Пушкиным, когда он завершал роман. Пушкин от своего лица, в форме так называемого ассоциативного «лирического отступления», вводит в повествование тему героической Москвы 1812 г. С судьбой героя авторское рассуждение никак не связано. Вносить какие-то изменения в его биографию было бы не очень удобно: это означало бы корректировку предыстории Онегина второй раз.

Но судьба героя — вовсе не единственный способ включения в роман декабристской темы. В седьмой главе, воспользовавшись сюжетным эпизодом приезда Лариных в Москву (по бытовому случаю, на ярмарку невест), поэт воспел героическую Москву, посрамившую гордого завоевателя. Так в повествование вошел эпохальный исторический эпизод. Открывается и возможность для подразумеваемого: эхо 1812 г. — 1825 г.

А еще в романе есть и второй наиважнейший герой, автор. Тут ему не пришлось напрягаться, достаточно было вспомнить свою музу, «Свободы гордую певицу»: «И молодежь минувших дней / За нею буйно волочилась, / А я гордился меж друзей / Подругой ветреной моей» [Пушкин 5: 143]. Поэт и на рубеже 1830 г. продолжает ею гордиться! А в серии последних прощаний не забыты те, кого «уж нет», и те, кто «далече». Полагаю, конкретизировать эти обозначения нет надобности.

Тут встает еще одна проблема, активно обсуждаемая в пушкиноведении. Категорично как о факте, но неодобрительно высказывался по этому поводу Лотман: «...Вся история читательского (и исследовательского) осмысления произведения Пушкина, в значительной мере, сводится к додумыванию “конца” романа. Без этого наше воображение просто не в силах примириться с романом» [Лотман 1996: 79]. Вполне закономерным воспринимает такой подход С. Г. Бочаров: «Произведение, до наших дней “завершаемое” активностью читателей, это “Евгений Онегин”». Исследователь уточняет: «Несомненно, не внешняя незавершенность “Онегина”, которой нет, а внутренняя его структура провоцирует на эту работу воображения» [Бочаров: 19]. На наш взгляд, в решении этой проблемы на первый план выходит оценка альтернатив, анализ вариантов делается важнее выбора. В жизни (в сюжете) дело может решить случай, а случай невозможно предусмотреть. Пушкин завершил роман, оставив героя в околodeкабристском круге.

Альтернативно в будущее Онегина пытался заглянуть еще В. Г. Белинский: «Что случилось с Онегиным потом? Воскресила ли его страсть для нового, более сообразного с человеческим достоинством страдания? Или убила она все силы души его, и безотрадная тоска его обратилась в мертвую, холодную апатию?» [Белинский: 469]. Это замечательно точная постановка проблемы, но есть возможность заметить подцензурные намеки критика прямой характеристикой, а также задействовать понятие, появившееся позднее: «воскресший» духовно Онегин — это декабрист, убитый безотрадной тоской Онегин — «лишний человек». Белинский внешне отказался отвечать на свои вопросы, но фактически сделал выбор: «Не знаем, да и на что нам знать это, когда мы знаем, что силы этой богатой натуры остались без приложения, жизнь без смысла, а роман без конца? Довольно и этого знать, чтоб не захотелось больше ничего знать...» [Белинский: 469].

Верно оценил движение романа и его сюжетный итог Бочаров: «На его свершившийся сюжет мы можем посмотреть как на свершившуюся возможность, которая не исчерпывает всей реальности. Герои больше своей судьбы, и не сбывшееся между ними — это тоже какая-то особая и ценная реальность. И *это несбывшееся тоже входит в смысловой итог романа*. Оно присутствует здесь как особая тема, как прерывистая “другая линия”...» [Бочаров: 41]. И еще важное заключение: «Реальность, включающая в себя богатство возможностей — как иного хода действия и судьбы героев, так и возможностей будущего романа, литературного развития, — вот что такое “Евгений Онегин”» [Бочаров: 42].

А как поэт относился к заглядыванию в будущее героев? Одобрительно! Он сам ставил такую задачу. В «Путешествие в Арзрум» Пушкин включает дерзкое размышление: «Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерской ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в “Московском телеграфе”» [Пушкин 6: 451–452]. Оставляет ли поэт весьма нелегкую задачу на перспективу новым поколениям художников или опирается на свой уже опробованный опыт? Как угадать *непроявленные* способности человека? И это тогда, когда и явленные способности далеко не всегда находят признание! Но таков максималистский принцип поэта, яркое проявление его гуманизма, если угодно — плохо воспринимаемый потомками урок.

А сам поэт продемонстрировал и художественный образец решения подобной проблемы, когда, расставаясь с погибшим Ленским, на чертал два контрастных варианта гипотетической судьбы героя, «героический» и «обыкновенный». Такой подход возводится в принцип. О судьбе Онегина читателям предлагается подумать самим. И, может быть, обнаружится вполне явственная пушкинская подсказка относительно гипотетической судьбы героя (или даже наметка пушкинского решения этой проблемы)? Вопреки всем обыкновениям, уже после примечаний (знака конца), в печатный текст романа добавляются «Отрывки из путешествия Онегина».

Онегина повела в путешествие цель великая! Он сам отрешается или пытается отрешиться от духовной спячки: «Проснулся раз он *патриотом*» [Пушкин 5: 466].

Вот когда — в духовном плане — пересеклась жизнь Онегина с Отечественной войной, да и другими подвигами Отечества. Желание

увидеть «святую Русь» повело его в путешествие — а посмотрелся... Не все благополучно на родных просторах!

«...Маршрут, выбранный Онегиным, не случаен и примечателен. В нем ясно видна цель, просматривается определенный умысел. Это путешествие по “горячим точкам” русской истории, по ее героическим страницам, продиктованное желанием увидеть собственными глазами современное состояние России и оценить ее перспективы» [Гуревич: 28]. Особенно это заметно в начале путешествия: Великий Новгород, символ вольнолюбия, Москва, не склонившая гордой головы перед грозным завоевателем, Нижний Новгород, поднимавший народное ополчение во спасение Отечества, разинские Волга и Астрахань. Современные картины этих знаменитых мест подаются с контрастным эмоциональным знаком. Великий Новгород: мятежный колокол давно утих. Москва, развенчавшая Наполеона: в Английском клубе Онегин слышит «о кашах пренья», молва «его шпионом именует», «производит в женихи» (только этого ему и не доставало). Нижний Новгород, вотчина Минина: меркантильный дух. Волга: Разин жив в песнях бурлаков, да поют-то про удалого атамана рабы, тянущие судно, поют «унывым голосом». В разинской Астрахани Онегин пытается углубиться «в воспоминанья прошлых дней», но... атакован совсем иной ватагой — тучей нахальных комаров и спасается бегством. Итак, все картины эмоционально однозначны.

Патриотические чувства отнюдь не укрепляются в герое во время путешествия, а подпадают под сокрушающий удар. Онегин надломлен изнутри, психологически, а наблюдаемые обстоятельства усугубляют его душевный дискомфорт. Познавательное значение путешествия огромно: герой имеет возможность заключить, что жизнь в исторически активных местах России переменилась — и к худшему: на местах былого величия торжествующе разрастается пошлость. Вот почему роману понадобился дисгармоничный довесок в виде отрывков из путешествия. Винават ли герой, что жизнь обделила его на вдохновляющие впечатления? На себя ему сетовать не приходится: он объективно угодил на темную полоску жизни (призывов «Живи на яркой стороне» не услышал).

На календаре героев еще преддекабрьское время, но Пушкин дорисовывает Онегина уже в конце 20-х гг. Задним числом поэт резче расставляет акценты, показывая общественное равнодушие как косность,

противостоящую энтузиазму горстки благородных людей, вознамерившихся преобразовать Россию. Но это не анахронизм; совсем ни к чему ломать онегинский календарь, чтобы увидеть в герое тип, более четко проявленный после 14 декабря.

Пушкин мудро разглядел противоречия своей только что оставленной позади эпохи, показал, что любой, без исключения, момент исторического развития нельзя оценивать однозначно. Борьба нового со старым идет постоянно. Условия бывают разные, они благоприятствуют тем или другим устремлениям; придают эпохе свой колорит, но никогда не исчерпывают оттенков жизни. Россия косная существовала и в эпоху декабристов: одних она устраивала, других подавляла, в самих же декабристах рождала благородный протест и жажду борьбы за обновление Родины. Александр I неплохо начинал («Он взял Париж, он основал Лицей»), да кончил Священным союзом и аракчеевщиной. Аракчеевской реакции противостояло мощное общественное движение, но наберется и немало акций, разрозненных, менее сплоченных и организованных, но по-своему героичных, противостоявших николаевской реакции. Между двумя соседними эпохами можно отметить черты сходства и в их плюсах, и в их минусах, но черты сходства не мешают воспринимать эти эпохи контрастными: меняется общественный тонус, иначе расставляются акценты. На формирование личности Онегина в александровскую эпоху оказывает влияние тенденция, которая хуже для репутации героя, но это реальность. Публикуемые «Отрывки из путешествия Онегина» лейтмотивом «тоска!» пророчат герою губительную апатию. Но это снова гипотетический вариант судьбы Онегина, вопрос, что станет с ним «потом».

Определяя сущность заглавного героя романа, чаще всего его относили к типу «лишних людей» (получается, что его понимали не таким, каким он был, а таким, каким в перспективе мог стать). Отнесение Онегина к околodeкабристскому кругу и именование его «лишним человеком» — совместимые ли это определения? Совместимые, если внести поправку временной перспективы, не забывая, что здесь настоящее высвечивается будущим, и еще — если отстраниться от негативного, критического отношения к «лишним людям» как к людям в определенной степени неполноценным. Нет спора, «лишние люди» — тип сложный, но при всех снижающих оговорках это тип положительный. В «лишних людях» из околodeкабристской среды это особенно заметно.

Положение «лишних людей» отличается двойственностью: они поднимаются над стереотипом общества — и не находят форм активного самоопределения. Первый их шаг вверх достоин высокого уважения. Неспособность сделать второй, решающий шаг к действию, вызывает либо сочувствие, либо порицание (первое, видимо, предпочтительнее). Но двойственность типа не может исключить и двойственного к нему отношения.

Начальный портрет Онегина вбирает в себя преждевременную старость души, состояние, ведомое Пушкину изнутри. Разочарования путешествия в финале отбрасывают героя к ситуации «Демона», манифеста Пушкина периода начала работы над романом. Отсылку к «Демону» в «дорисовке» Онегина в начале восьмой главы отметил Н. М. Фортунатов: «Быть в таком состоянии — значит нести тяжкий крест душевной депрессии, разрушающей личность» [Фортунатов: 86]. В заметке «О стихотворении “Демон”» Пушкин посчитал закономерным, что «мало-помалу вечные противуречия сущности» рождают в человеке сомнения.

Положение героя тяжелее тяжелого. Отсылка к Демону означает, что в серию недоброжелательных суждений об Онегине при его возвращении в свет вкралась авторская оценка. У героя нет желания быть таковым, но это реальность, результат давления жизни, это добавляет горечи самосознанию героя.

Надо полагать, выход из типовой ситуации кризиса индивидуален, зависит от крепости характера. В свое время Пушкин преодолел искушения Демона. У Онегина меньше шансов выстоять перед агрессией искушителя (у него сейчас нет опоры). Только как измерить неявленный потенциал души?

Из путешествия Онегин привез неотвязную тоску. А по возвращении в столицу он получил и сердечный удар. Но выяснится, что Татьяна не только усвоила его уроки, хотя даже их усвоила творчески, она дописала на знамени слово, которого никогда не было в лексиконе Онегина, — долг. Не будет преувеличением признать, что в этом и состоит урок, который она возвращает Онегину.

Свое письмо Татьяна заканчивала упованием: «мне порукой ваша честь...» [Пушкин 5: 62]. Те же слова она повторит в концовке исповеди, но здесь они звучат иначе, крепче: «Я знаю: в вашем сердце есть / И гордость, и прямая честь» [Пушкин 5: 162]. Трудно выстраивать что-

то на обломках несбывшегося счастья, но напутствие дорогого человека сохранить гордость может послужить необходимой опорой.

Повествование в романе иногда воспринимают незавершенным. На деле герой не только явственно прорисован, но обозначена даже авторская версия его гипотетической судьбы.

Судьба Онегина отличается резкими взлетами и падениями. Еще характерно, что она проходит циклами: упоение светской жизнью — и полное разочарование в ней; умиротворение вольностью и покоем — и, в связи с разрушением покоя, тоска «постылой» свободы, она же — лейтмотив безотрадного путешествия; порыв любви — и... Этот цикл оставлен непрописанным, но по закону тайны занимательности. Финал жизни Онегина не предопределен, он двойной раскладки и обещает стать наиболее интенсивным: либо отрешение от эгоистической замкнутости, либо новый кризис, катастрофический по своим последствиям.

Сравним этот «синусоидный», со взлетами и падениями, рисунок судьбы Онегина с «линейным» рисунком в варианте Непомнящего. Исследователь собирает «трехстишие, раскинутое на весь роман:

“С душою, полной сожалений” — в первой главе;

“В тоске сердечных угрызений” — в шестой;

“В тоске безумных сожалений” — в восьмой» [Непомнящий: 159].

Однако исследователем линейей соединены только *нижние* точки исканий Онегина, его падения. Между тем, каждому кризису предшествуют взлеты, обретения! «Урезанный» Онегин — не пушкинский Онегин.

Но ведь минорная тональность господствует в финале! Смятение Онегина, вызванное осложнением мировоззренческих поисков, дополняет сердечная рана.

И все-таки остается фактом, что перед тем, как вместе с поэтом расстаться с героем, мы видим не предполагаемое, а реальное возрождение Онегина. Откуда и взяться силам души? Силы молодости потрачены впустую, пущены на ветер. «В любви считаясь инвалидом», Онегин недоверчиво, имея на то основания, воспринимает восторженность Ленского. «Нашед свой прежний идеал» в Татьяне, он предпочитает держаться иных ценностей, вне мира чувств. И вдруг любовь, которая становится единственным содержанием онегинской жизни.

В этом состоит одно из чудес искусства: сбывается то, чего не должно было быть, сверх ожидаемого и прогнозируемого. Художник показывает безграничные возможности, скрытые, таинственные резервы человеческой души.

Связанная с образом Онегина нравственно-этическая тема заключена между двумя полюсами. Один полюс — в словах Татьяны, касающихся и Онегина: «А счастье было так возможно, / Так близко!» [Пушкин 5: 162]. Другой — в авторском суждении (в черновиках восьмой главы), где с горечью констатировалось, что герой проиграл все ставки жизни. Но первый остается призрачным, а второй реален. Нереализованная возможность счастья окрашивает финал судьбы Онегина.

И все-таки не к идеальной героине, но к странному герою в последний раз адресуется поэт. Онегин, каким он изображен в романе, неизменно дорог и близок поэту. Он представлен вначале в тонах сочувственного комизма, но уходит со страниц повествования героем трагического плана.

Перечитаем последние строки восьмой главы.

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим [Пушкин 5: 164].

Имя героя оставлено в последней строке: одно это значит так много; но вдумаясь в смысл текста: прощание с героем для Пушкина равноценно самому главному прощанию — с праздником Жизни! Можно ли представить себе более высокое и благородное расставание с приятелем? Закону дружбы Пушкин верен всегда, — и дрогнул от волнения голос поэта, когда имя героя произносится — в черновике перед характерным росчерком, означающим окончание, в печатном тексте перед словом «Конец».

Список литературы

- Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984. 351 с.
- Бахмутский В. Я. «Евгений Онегин» и постмодернизм // Тайны пушкинского слова. М.: Московский детский фонд, ТИД Континент-Пресс, 1999. С. 57–76.
- Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: изд-во АН СССР, 1955. Т. VII. 740 с.
- Благой Д. От Кантемира до наших дней. Т. 2. М.: ИХЛ, 1973. 464 с.
- Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 639 с.
- Гаспаров М. Филология как нравственность // Литературное обозрение. 1979. № 10. С. 26–27.
- Глухов В. И. Первый этап работы Пушкина над «Евгением Онегиным» // Липецкий педагогический институт. Ученые записки. Вып. 3. 1963. С. 171–199.
- Гуревич А. М. «Евгений Онегин»: поэтика подражаний // Известия РАН. Серия лит. и яз. Т. 58. 1999. № 3. С. 26–30.
- Коровин В. И. Романтизм в русской литературе первой половины 20-х годов XIX в. Пушкин // История романтизма в русской литературе (1790–1825). М.: Наука, 1979. С. 183–254.
- Кошелев В. А. Онегин и «гроза двенадцатого года» // Болдинские чтения. Нижний Новгород: изд-во «Вектор-ТиС», 2004. С. 213–223.
- Кошелев В. А. ««Онегина» воздушная громада...». Болдино–Арзамас: АГПИ, 2009. 381 с.
- Лакишин В. Биография книги: Статьи, исследования, эссе. М.: Современник, 1979. 509 с.
- Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. М.: Правда, 1988. 702 с.
- Лотман Ю. М. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Наука, 1960. Т. III. С. 131–173.
- Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
- Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс / Вводные лекции в изучение текста. Тарту, 1996. 109 с.
- Макогоненко Г. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. 2-е изд. М.: ИХЛ, 1971. С. 101–208.
- Недзвецкий В. А. «Евгений Онегин» как стихотворный роман // Известия РАН. Серия литературы и языка Т. 55. 1996. № 4. С. 3–17.
- Непомнящий В. Пушкин. Русская картина мира. М.: Наследие, 1999. 544 с.
- Огарев Н. П. Избранные произведения: в 2 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 2. С. 450–502.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
- Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971. 480 с.
- Удодов Б. Т. Пушкин: Художественная антропология. Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. 304 с.

Фомичев С. А. «Евгений Онегин»: Движение замысла. М.: Русский путь, 2005. 176 с.

Фортунатов Н. М. Филологический детектив. Пушкин: Загадки Болдинской осени. Б. Болдино; Саранск. 2011. 244 с.

Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 925 с.

References

- Akhmatova A. A. *O Pushkine: Stat'i i zametki* [About Pushkin: Articles and Notes]. Gor'kii, Volgo-Viatskoe kn. izd-vo Publ., 1984, 351 p. (In Russ.)
- Bakhmutskii V. Ia. *"Evgenii Onegin" i postmodernizm* ["Eugene Onegin" and postmodernism]. *Tainy pushkinskogo slova* [Secrets of the Pushkin Word]. Moscow: Moskovskii detskii fond, TID Kontinent-Press Publ, 1999, pp. 57–76. (In Russ.)
- Belinskii V. G. *Poln. sobr. soch.: v 13 t* [Complete works in 13 vols.]. Moscow, izd-vo AN SSSR Publ., 1955, Vol. VII, 740 p. (In Russ.)
- Blagoi D. *Ot Kantemira do nashikh dnei* [From Cantemir to the present day]. Vol. 2. Moscow: IKhL Publ., 1973, 464 p. (In Russ.)
- Bocharov S. G. *Siuzhety russkoi literatury* [Plots of Russian literature]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 639 p. (In Russ.)
- Gasparov M. *Filologiya kak nravstvennost'* [Philology as morality]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review]. 1979, № 10, pp. 26–27. (In Russ.)
- Glukhov V. I. *Pervyi etap raboty Pushkina nad "Evgeniem Oneginym"* [The first stage of Pushkin's work on Eugene Onegin]. *Lipetskii pedagogicheskii institut. Uchenye zapiski. Vyp. 3*. [Lipetsk Pedagogical Institute. Scholarly notes. Issue 3]. 1963, pp. 171–199. (In Russ.)
- Gurevich A. M. *"Evgenii Onegin": poetika podrazumevaniia* ["Eugene Onegin": the poetics of implications]. *Izvestiia RAN. Seriya lit. i iaz.* [Izvestia RAN Literature and Language Series]. Vol. 58, 1999, № 3, pp. 26–30. (In Russ.)
- Korovin V. I. *Romantizm v russkoi literature pervoi poloviny 20-kh godov XIX v. Pushkin* [Romanticism in Russian literature of the first half of the 20s of the XIX century. Pushkin]. *Istoriia romantizma v russkoi literature (1790–1825)* [History of Romanticism in Russian Literature (1790–1825)]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 183–254. (In Russ.)
- Koshelev V. A. *Onegin i "groza dvenadtsatogo goda"* [Onegin and the "thunderstorm of the twelfth year"]. *Boldinskie chteniia* [Boldin readings.]. Nizhnii Novgorod, izd-vo Vektor-TiS Publ., 2004, pp. 213–223. (In Russ.)
- Koshelev V. A. *"Onegina" vozdushnaia gromada...* ["Onegin" aerial bulk] *Boldino–Arzamas AGPI Publ.*, 2009, 381 p. (In Russ.)
- Lakshin V. *Biografiia knigi: Stat'i, issledovaniia, esse* [Book biography: Articles, research, essays]. Moscow: Sovremennik Publ, 1979, 509 p. (In Russ.)
- Lermontov M. Iu. *Sochineniia. T. 1* [Essays]. Vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1988, 702 p. (In Russ.)
- Lotman Iu. M. *Kevoliutsii postroeniia kharakterov v romane "Evgenii Onegin"* [Towards the evolution of character building in the novel "Eugene Onegin"]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Research and Materials]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1960, Vol. III, pp. 131–173. (In Russ.)
- Lotman Iu. M. *Roman A. S. Pushkina "Evgenii Onegin": Kommentarii* [Alexander Pushkin's novel "Eugene Onegin": Commentary]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1980, 416 p. (In Russ.)
- Lotman Iu. M. *Roman v stikhakh Pushkina "Evgenii Onegin": Spetskurs, Vvodnye leksii v izuchenie teksta* [Novel in verse by Pushkin "Eugene Onegin": Special course. Introductory lectures in the study of the text]. Tartu, 1996, 109 p. (In Russ.)

Makogonenko G. "Evgenii Onegin" A. S. Pushkina ["Eugene Onegin" by Aleksandr Pushkin]. Moscow, IKhL Publ., 1971, pp. 101–208. (In Russ.)

Nedzvetskii V. A. "Evgenii Onegin" kak stikhotvornyi roman ["Eugene Onegin" as a poetic novel]. Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka [Literature and Language Series]. Vol. 55, 1996, № 4, pp. 3–17. (In Russ.)

Nepomniashchii V. Pushkin. Russkaia kartina mira [Pushkin. Russian picture of the world]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, 544 p. (In Russ.)

Ogarev N. P. Izbrannye proizvedeniia: v 2 t. [Selected works: in 2 vols.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956, Vol. 2, pp. 450–502. (In Russ.)

Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. [Complete works in 10 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)

Ryleev K. F. Polnoe sobranie stikhotvorenii [Complete collection of poems]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1971, 480 p. (In Russ.)

Udodov B. T. Pushkin: Khudozhestvennaia antropologiya [Pushkin: Artistic Anthropology]. Voronezh, Voronezhskiy gos. un-t Publ., 1999, 304 p. (In Russ.)

Fomichev S. A. "Evgenii Onegin": Dvizhenie zamysla ["Eugene Onegin": Movement of the Concept]. Moscow, Russkii put' Publ., 2005, 176 p. (In Russ.)

Fortunatov N. M. Filologicheskii detektiv. Pushkin: Zagadki Boldinskoï oseni [Philological detective. Pushkin: Mysteries of the Boldin Autumn]. Boldino; Saransk Publ., 2011, 244 p. (In Russ.)

Iazykov N. M. Polnoe sobranie stikhotvorenii [Complete collection of poems]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1964, 925 p. (In Russ.)